
И. С. ГУРВИЧ

ПО ПОВОДУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНОВ РЕК ОЛЕНЕКА И АНАБАРА

Вопросы о происхождении и этническом составе народов Крайнего Севера могут найти наилучшее разрешение только в процессе коллективного труда исследователей различных специальностей. В связи с этим нельзя не выразить удовлетворения, что наши заметки и статьи о происхождении и этнической принадлежности населения северо-запада Якутии, точнее населения бассейнов верхнего и среднего течения рек Оленека и Анабара, вызвали отклики не только среди одних этнографов.

С точки зрения статистики к затронутому нами вопросу попытался подойти П. Е. Терлецкий¹. К сожалению, с его выводами о национальной принадлежности интересующей нас этнической группы, трудно согласиться. Практическая важность вопроса об этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара для культурного и хозяйственного строительства не позволяет нам оставить без ответа основные замечания, высказанные П. Е. Терleckим по поводу нашей статьи «К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР»².

Основные возражения П. Е. Терлецкого направлены против нашего утверждения о том, что в Оленекском и Анабарском районах находится одна этническая группа — якуты-оленеводы. Считая, что это положение противоречит данным переписей, П. Е. Терлецкий привел цифры, свидетельствующие, по его мнению, о многонациональном составе населения. Однако нетрудно видеть, что приведенные свидетельства относятся не к обозреваемой в нашей статье территории, а к значительно более широкой области, чем и объясняется наличие в таблице П. Е. Терлецкого долган и русских.

В своей работе мы касались населения северо-запада Якутии в пределах территории современного Оленекского и Анабарского районов. Территория эта очерчена жирной линией на схематической карте, приложенной к нашей статье. Очевидно, П. Е. Терлецкий несколько шире понял территориальные рамки нашей работы. Разумеется, соотношение национальных групп на обширной территории, охваченной таблицей П. Е. Терлецкого — низовье р. Оленека (Булунский район), р. Хатанга и ее притоки — Блудная, Жданиха, Рассоха, Попигаи, несколько иное, чем в районе, рассматриваемом в нашей работе, и, следовательно, цифры, приведенные в таблице, ничем не могут быть полезны для опровержения данных приведенных нами для иной, более узкой территории.

¹ П. Е. Терлецкий, Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР, «Советская этнография», 1951, № 1.

² И. С. Гурвич, К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, «Советская этнография», 1950, № 4.

Тем обстоятельством, что под территорией Анабарского района П. Е. Терлецкий фактически подразумевает территорию Хатангско-Анабарского района (который входил в Булунский округ до 1931 г.), объясняется и то, что он обнаружил 11 семей русских в низовьях Оленека и Анабара. Повторный просмотр первоисточников (карточек похозяйственной переписи и списков домохозяйств) показал, что на Анабаре русских хозяйств переписью обнаружено не было³.

В Усть-Оленеке (т. е. тоже за пределами обозреваемой нами территории) было выявлено три хозяйства русских, занятых рыболовством и охотой⁴. Из них семья бывшего ссыльного С. Ф. Ищенко численностью в 7 человек, владевшая 30 оленями, в счет идти не может⁵, как не относящаяся к старожилам. Не может быть отнесена к старожилам Усть-Оленека и семья С. А. Григорьева численностью в 5 человек, показавшая своим родным языком русский. В исповедальных книгах Булунской церкви по Усть-Оленекскому крестьянскому обществу за 1900-е годы и в посемейных списках этого общества за 1916 г. ни Григорьев, ни члены его семьи не значились⁶. Третья семья Г. Е. Семенникова численностью в 5 человек показала своим родным языком якутский, а национальностью — «крестьян»⁷. В карточке имеется исправление, внесенное, очевидно, при обработке материалов: над словом «крестьян» другим карандашом написано «русский». Следует отметить, что прочие члены Усть-Оленекского общества, например Черепановы, известные нам по исповедальным росписям, показали себя якутами⁸.

Остальные восемь хозяйств русских, принадлежавших к затундренским крестьянам, были зарегистрированы переписью в б. Хатангско-Анабарском районе, но за пределами бассейнов рек Оленека и Анабара. В Жданихе проживала семья П. Г. Портнягина (5 человек), в Летовье проживало пять семей — Портнягины и Рудинские (36 человек), на Россохе одна семья Н. Портнягина (7 человек) и в Дальгдин одна семья численностью в 8 человек⁹. Таким образом, утверждение П. Е. Терлецкого о проживании русских старожилов в низовьях рек Оленека и Анабара, так же как и обвинение нас в игнорировании этого, основано на недоразумении.

Что касается исторической судьбы усть-оленекских русских старожилов, то она, по документальным данным, представляется не так, как ее рисует П. Е. Терлецкий. В конце XVIII в. в Усть-Оленекском мещанском обществе числилось 46 мужчин¹⁰. В самом конце XVIII в. усть-оленекские мещане, занимавшиеся рыболовством и охотой, были перечислены, по их просьбе, в крестьяне, так как мещанам специальным указом было запрещено жить за пределами городов¹¹. По данным X ревизии (1858), Усть-Оленекское крестьянское общество состояло из 62 лиц мужского и женского пола, включая детей¹². В 1860-х годах численность усть-оленекских крестьян, как сообщал их староста, резко уменьшилась в результате «оспенной эпидемии и неблагоприятных климатических условий»¹³. Из взрослых мужчин в живых осталось 10.

³ Центр. гос. архив Якутской АССР (ЦГА ЯАССР), ф. 70-р, оп. 32, д. 347, 397, 326.

⁴ Там же, д. 357, л. 43—44, 113—114, 125—126.

⁵ По исповедальной книге Булунской церкви за 1900 г. семья Ищенко значилась среди причисленных к Усть-Оленекскому крестьянскому обществу (ЦГА ЯАССР, ф. 241, оп. 2, л. 82, л. 1).

⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 108-и, д. 72, л. 76—77.

⁷ Там же, ф. 70-р, оп. 32, л. 357, л. 125—126.

⁸ Там же, л. 5—6.

⁹ Там же, л. 326.

¹⁰ Там же, ф. 52, оп. 1, д. 33, л. 33.

¹¹ Там же, д. 1, л. 1—7.

¹² Там же, д. 18, л. 1.

¹³ Там же, л. 8.

В 1886 г. в Усть-Оленекском обществе значилось 15 душ мужского пола и 14 женского, включая детей. О состоянии усть-оленекских крестьян в донесении за этот год сообщалось: «Ныне они совершенно обьякутились, смешались с туземным населением, и только русые волосы и голубые глаза выдают их и указывают породу»¹⁴.

Нам уже приходилось ссылаться на свидетельства участника Великой Северной экспедиции Х. П. Лаптева о слиянии усть-оленекских старожилов с якутами, а также на наблюдения П. Хитрово, отмечавшего то же явление в середине XIX в.¹⁵ В 1916 г. Усть-Оленекское общество состояло из 9 семей (16 мужчин и 11 женщин)¹⁶, говоривших только по-якутски.

В связи с вопросом о территориальных рамках нашей работы ответим на замечание П. Е. Терлецкого о невозможности выделить население бассейнов рек Оленека и Анабара из общей массы населения севера Якутии. Такое впечатление действительно может создаться, если руководствоваться только материалами переписи. Напротив, при непосредственном посещении оленекских и анабарских якутов-оленоводо-бросаются в глаза прежде всего их территориальная обособленность и резкие отличия как от эвенков северо-запада, так и от якутов-скотоводов Вилюйского округа. Единство этой этнической группы неоднократно отмечалось в литературе. Во время работы в Оленекском районе Якутской АССР с 1941 по 1946 г. нам лично пришлось убедиться в этом, близко ознакомившись с населением как Оленекского, так и Анабарского районов.

Наши полевые материалы ничего не говорят о Тогуйском, Жохутском, Кельятском, Кюпском и Эжанском родах, кочевавших далеко за пределами интересующей нас территории. Упрек П. Е. Терлецкого в том, что мы не интересуемся их существованием, таким образом, несправедлив, так же как несправедливо и утверждение о том, что «не только все эвенки указанных районов, но и эвенки остальных северных районов Якутии, по мнению И. С. Гурвича, должны по национальности считаться якутами»¹⁷. Достаточно ознакомиться с нашей статьей, чтобы убедиться, что такое утверждение в ней отсутствует. Повидимому, П. Е. Терлецкий по-своему интерпретировал выдвинутое в нашей статье предположение о том, что далеко не во всех северных районах Якутии этнический состав населения выявлен правильно, что процессы, происходившие в Оленекском и Анабарском районах, имели место и в других районах северо-запада Якутии, например в Жиганском.

Но обратимся к наиболее существенным расхождениям. Основное положение П. Е. Терлецкого заключается в том, что в бассейнах рек Оленека и Анабара имеются две этнические группы: якуты (Осогостохский и Хатыгинский роды и затундренские якуты) и эвенки (Бетинский, Угулятский и Шологонский роды), якобы четко выделенные данными переписей 1897 и 1926 гг., но не замеченные этнографами, побывавшими на северо-западе Якутской АССР.

«В отношении населения первых трех групп (затундренских якутов, осогостохских и хатыгинских хозяйств) нет сомнения в их якутском происхождении и национальности. Об этом говорят данные переписи 1926 г. и картографические материалы», — пишет П. Е. Терлецкий. «В отношении Бетинского, Угулятского и Шологонского родов нет сомнения в их тунгусском происхождении...». Он утверждает, что «затундренские якуты, Осогостохский и Хатыгинский роды по своему происхождению являются чистыми якутами (по переписи 1926 г. они отнесены к

¹⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 18, л. 33, л. 33.

¹⁵ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 159 и 161.

¹⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 108, оп. 1, д. 77, л. 76.

¹⁷ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 92.

якутам), а остальные — бетинцы, угуляты и шологонцы (а также чордунцы), так называемые обьякученные тунгусы, по своему тунгусскому происхождению являющиеся несомненно иной группой, показали себя и в 1897 и в 1926 гг. эвенками (тунгусами)»¹⁸.

Однако эти категорические утверждения П. Е. Терлецкого находятся в явном противоречии с фактами. По переписи 1926 г. члены Осогостохского и Хатыгынского родов, так же, как и Шологонского, Бетинского, Чордунского, Угулятского, отнесены к тунгусам.

Чтобы не быть голословными, обратимся к первичным документам переписи 1926 г. — похозяйственным карточкам б. Вилуйского округа и приведем некоторые примеры, развернув графы карточек в виде таблицы.

Таблица 1

Фамилия, имя, отчество	Национальность	Родной язык	Возраст	Число членов семьи	Места кочевок
Хатыгынский род ¹⁹					
Николаев Иван Константинович	Тунгус	Якутский	40	7	Тас-Джаны, Оленек
Федоров Константин Николаевич	То же	То же	70	6	Оленек, Джаныда
Васильев Прокопий Васильевич	"	"	32	5	Арга-сала, Джаныда, Оленек
Васильев Василий Семенович	"	"	50	2	Оленек, Арга-сала, тундра
Семенов Филипп Христофорович	"	"	30	9	То же
Семенова Прасковья Петровна	"	"	40	3	"
Семенов Василий Тихонович	"	"	45	4	р. Канавка, Джаныда
Григорьев Самсон Дмитриевич	"	"	35	—	То же
и т. д.					

Осогостохский род²⁰

Васильев Павел Николаевич	Тунгус	Якутский	30	2	Оленек
Павлов Василий Федорович	То же	То же	40	4	Уджа, Джаныда, Догдокда
Тихонов Николай Васильевич	"	"	57	2	Тас Джаны, Орто-Кирбей, Оленек
Христофоров Моисей Николаевич	"	"	33	4	То же
Павлов Афанасий Федорович	"	"	55	7	Биллях, у моря
Степанов Иннокентий Дмитриевич	"	"	60	8	Анабар, Биллях
Ченхох (прозвище) Прокопий Дмитриевич	"	"	30	5	У моря, Диндя
Христофоров Петр Христофорович	"	"	35	4	У моря, Биллир
Наумов Христофор Васильевич	"	"	32	6	У моря, Уджа Хатан
Наумов Иннокентий Константинович	"	"	45	11	Уджа Хатан

¹⁸ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 93.

¹⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, л. 15—30.

²⁰ Там же, л. 255—258, 265—270, 275—276, 281—282, 287—288, 291—294.

Приведенные примеры не являются случайно подобранными свидетельствами. Из 69 хозяйств осогостохцев, зарегистрированных переписью на территории б. Вилюйского округа, 66 хозяйств было отнесено к тунгусам с якутским родным языком. В трех карточках графы «Национальность» и «Родной язык» оказались незаполненными²¹. Из 17 хозяйств хатыгынцев 16 хозяйств были помечены тунгусами с якутским родным языком, в одной карточке графы «Национальность» и «Родной язык» не были заполнены²². К тунгусам с якутским родным языком были отнесены также все бетинцы, угуляты, сологонцы, чордунцы. Таким образом, основное звено в системе доказательств П. Е. Терлецкого выпадает, материалы переписи 1926 г. не дают никаких свидетельств о наличии двух этнических групп в интересующем нас районе.

Как известно, все исследователи, побывавшие в бассейне верхнего и среднего течения Оленека, верхнего течения Анабара, посетившие оз. Есей, р. Котуй, так же как и лица, в той или иной степени соприкасавшиеся с коренным населением этих районов, отмечали единство населения по языку, образу жизни, одежде и обычаям. Нам уже приходилось ссылаться на дореволюционную литературу по этому вопросу²³.

Отметим некоторые высказывания советских этнографов, проводивших практическую работу в интересующих нас районах. Этнограф И. М. Суслов, обследовавший бассейн Оленека, отметил, что по среднему течению Оленека в Суханском наслеге в 1934 г. обитало полуседло 50 якутских хозяйств²⁴.

Б. О. Долгих, обследовавший северо-восток Красноярского края, пишет: «Автору этих строк приходилось в период 1935—1939 гг. несколько раз бывать в районе оз. Есей, на среднем течении Котуя, к востоку от Котуя на р. Агынли у фактории Кирбей. Никакого сомнения в том, что это население представляет собой кочевников-оленеководов якутов, а не эвенков, у него нет. Никакого этнографического различия нельзя было также обнаружить между населением этого района и населением Оленека... Те и другие представляли собой одну этническую группу якутов-оленеководов, связанных родственными и личными отношениями, происходивших из одних и тех же родов и считавших себя одним этническим целым»²⁵.

Сошлемся и на свои наблюдения, совпадающие с приведенными выше²⁶.

Таким образом, этнографические данные, так же как и материалы переписи, свидетельствуют об этнографическом единстве населения бассейнов рек Оленека и Анабара. Однако, если в материалах переписи население будущих Оленекского и Анабарского районов было показано тунгусским, то все наблюдатели единодушно указывали на то, что оно является якутским. Какова же причина такого расхождения?

Основная причина, по которой население Оленекского района считалось тунгусским (эвенкийским), заключалась в том, что в б. Вилюйском округе, повидимому, со времени проведения реформы Сперанского, установилась традиция именовать всех кочевых оленеководов, в том числе и якутов-оленеководов, тунгусами. Согласно «Уставу об управлении инородцев Сибири», тунгусы (эвенки) были отнесены к разряду «бродячих» (кочевых) и освобождены от ряда повинностей. Им разрешалась перекочевка из округа в округ. Кочевые якутские роды, занимавшиеся оленеководством, подошли под категорию тунгусов.

²¹ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, л. 293—294, 257—258, 319—320.

²² Там же, л. 23—24.

²³ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 161.

²⁴ И. М. Суслов, Река Оленек, Л., 1937, стр. 111.

²⁵ Б. О. Долгих, К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары, «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 172.

²⁶ И. С. Гурвич, Указ. раб.

Отличия хозяйства оленекских и анабарских якутов (оленьеводство, охота, рыболовство) от оседлого скотоводческого хозяйства остальных якутов б. Вилюйского округа поддерживало и консервировало эту традицию, отмеченную большинством этнографов, побывавших на северо-западе Якутии²⁷. Отрицая воздействие традиции на результаты переписи, П. Е. Терлецкий утверждает, что в случае ее влияния надо было бы ожидать в итогах переписи отсутствия каких-либо данных о якутах среди кочевого населения. Тем не менее достаточно ознакомиться с хозяйственными карточками упомянутых выше наслегов, зарегистрированных на территории Оленекского и Анабарского районов, чтобы убедиться в том, что к якутам причислены главным образом женщины, т. е. выходцы из вилюйских скотоводческих районов. Приведем несколько примеров.

2-й Угулятский наслег. Герасимов Федор, национальность — тунгус, родной язык — якутский. Мать его Евдокия показана как якутка, а все остальные члены семьи помечены как тунгусы²⁸. Мать Герасимова Федора, как нам известно, происходила из б. Вилюйского скотоводческого округа, чем и объясняется причисление ее к якутам.

Шологонский наслег. Бороло (прозвище) Николай Львович, национальность — тунгус; родной язык — якутский. Жена Татьяна — якутка²⁹.

2-й Угулятский наслег. Софронов Филипп Егорович, национальность — тунгус, родной язык — якутский. Жена — якутка, остальные пять членов семьи — тунгусы³⁰.

Чордунский наслег. Христофоров Николай Васильевич, национальность — тунгус, родной язык — якутский. Жена Варвара — якутка, остальные пять членов семьи — тунгусы³¹.

Осогостохский род. Давакай Афанасий Федорович, национальность — тунгус, родной язык — якутский. Жена Евдокия — якутка, остальные члены семьи — тунгусы³².

В Осогостохском роде в семье Семенова Алексея Петровича был наемный работник Николай 32 лет, показавший себя якутом. В графе 11 и 12 бланка разъяснено «чернорабочий», «подсобный». Годовая плата его — два оленя³³.

Таким образом, на территории современного Оленекского района переписчиками были отнесены к якутам лишь лица, происходившие из южных скотоводческих районов.

В табл. 2 отражено соотношение якутов и тунгусов, по данным переписи, в интересующих нас родах в пределах б. Вилюйского округа³⁴.

Таблица 2

Род, наслег	Тунгусы		Якуты	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Осогостохский	168	190	1	5
2-й Угулятский	74	80	1	4
Чордунский	52	50	—	1

²⁷ См.: А. А. Полов, Материалы по родовому строю долган, «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 133; Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 169—170; Кларк, Вилюйск и его округ, «Зап. РГО Сиб. отд.», ч. XII, 1864, стр. 129.

²⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, л. 123.

²⁹ Там же, л. 209.

³⁰ Там же, л. 165.

³¹ Там же, л. 233.

³² Там же, л. 273.

³³ Там же, л. 237—238.

³⁴ Там же, д. 254. Разработка по форме А—1.

Как показывают приведенные выше примеры, отмеченные переписью якуты не составляли единых семей, а были вкраплены в состав «тунгусских».

Следовательно, традиция считать кочевое оленеводческое население северо-запада б. Вилюйского округа тунгусским нашла полное отражение в переписи. Однако, как нам неоднократно приходилось подчеркивать, это не значит, что сами оленекские и анабарские кочевые якуты отождествляли себя с тунгусами-эвенками. При явно выраженном якутском национальном самосознании на вопрос, «кто они такие», кочевые якуты отвечали большей частью «тунгусы», как было принято в б. Вилюйском округе, так как они входили в разряд «тунгусских родов». Следует отметить, что, давая такой ответ, кочевые якуты ни в коей степени не причисляли себя к эвенкам Красноярского края, считая их совершенно чужой, неродственной народностью³⁵.

Ответим попутно на вопрос П. Е. Терлецкого, какими методами проводилось выявление национального самосознания. Помимо подробных расспросов, кем себя считает население, с кем его можно отождествить, выяснилось, откуда оно выводит своих предков. В связи с этим записывались генеалогии. Записанные генеалогии при всей их относительности показали, что население считает своими предками якутов — выходцев из южных скотоводческих районов Якутии. При расспросах о национальной принадлежности население резко протестовало, когда их соплеменниками, сородичами мы называли эвенков Туруханского края. Опровергая это, большинство наших осведомителей ссылалось именно на генеалогии.

Таким образом, разделение П. Е. Терлецким оленекско-анабарских наследов на якутские и тунгусские не оправдано ни данными переписи, ни показаниями исследователей. Остается разобрать основания, выдвинутые самим П. Е. Терлецким в пользу причисления Осогостохского и Хатыгынского родов к якутам, а Бетинского, Угулятского и других к эвенкам. «Расселение в низовьях рек Анабара и Оленека и хозяйственная характеристика их как оленеводов тундры не вызывают сомнения в их якутской национальности», — пишет П. Е. Терлецкий, касаясь национальной принадлежности хатыгынцев и осогостохцев. Такие же соображения легли в основу причисления Бетинского, Шологонского и Угулятского родов к эвенкам. «Их расселение в таежной и лесотундровой зоне и охотничий тип хозяйства подчеркивают их эвенкийскую национальность».

Бездоказательность этих положений очевидна. Национальность не определяется местом жительства. Как известно, в таежной и лесотундровой зоне живут не только эвенки, но и другие национальные группы. Расселение в низовьях рек Оленека и Анабара также само по себе не может явиться определением якутской национальной принадлежности хатыгынцев и осогостохцев.

Более серьезным на первый взгляд основанием, выдвинутым П. Е. Терлецким для причисления Угулятского, Шологонского, Чордунского и Бетинского родов к эвенкам, является их тунгусское происхождение. Действительно, в XVII в., как нам пришлось отмечать, по данным архивных источников, территория бассейнов рек Оленека и Анабара была заселена тунгусскими племенами, но на протяжении трех столетий в этом районе произошла полная смена этнического состава населения, полное вытеснение эвенкийского языка якутским³⁶. Напомним, что чис-

³⁵ Любопытно отметить, что в ряде карточек переписчики записали некоторых лиц из Бетинского и Хатыгынского родов как якутов, на чем они, очевидно, настаивали. Однако эти показания, повидимому, при обработке карточек вызвали сомнения: в них было переисправлено «якут» на «тунгус» (ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, сп. 32, д. 318, л. 15, 17, 43, 45, 83, 230, 243, 247 и др.).

³⁶ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 150—161.

ленность тунгусского населения бассейнов этих рек еще в XVII в. резко сократилась в результате эпидемий, междоусобиц и голодовок. Оставшееся тунгусское население смешалось с переселенцами якутами, выходцами из скотоводческих районов. Против этих данных П. Е. Терлецкий не высказал никаких возражений. Отождествляя происхождение (этническую принадлежность в XVII—XVIII вв.) с современной этнической и национальной принадлежностью, П. Е. Терлецкий, на наш взгляд, допускает ошибку, представляя этнический состав как нечто неизменное, игнорируя колоссальные изменения, произошедшие в этническом составе населения бассейнов Оленека и Анабара за триста лет.

Фактически в настоящее время правильнее говорить не о тунгусском происхождении Бетинского, Угулятского, Шологонского и Чордунского родов, так как в них произошло полное смешение эвенкийского населения с якутами, причем якуты, выходцы из центральных и вилуйских районов, преобладали и ассимилировали эвенкийское население, а о тунгусском происхождении самих названий этих родов.

Не может быть полезна ссылка на хозяйственную характеристику, часто допускаемая П. Е. Терleckим при определении национальности. Примером могут служить русские, поселившиеся издавна в ряде районов Крайнего Севера и ведущие такое же промысловое хозяйство (рыболовство, собаководство, охота), как коренное население, но сохранившее свой язык и свою национальность.

Наконец, для обоснования наличия в бассейнах верхнего и среднего течения Оленека и верхнего течения Анабара якутов и эвенков П. Е. Терлецкий выдвинул «еще одно весьма важное обстоятельство, проливающее свет на некоторую устойчивость отмеченных двух национальных групп». Оказывается, С. К. Патканов, по данным переписи 1897 г., отметил, что «коренные жители северных районов Якутии — тунгусы, ламуты, юкагиры и долганы — имеют родовое деление...» «И, наоборот, в отношении якутского населения, как правило, отмечалось отсутствие показаний родовой принадлежности»³⁷. Как показал П. Е. Терлецкий, именно это и запутало С. К. Патканова. На основании того, что есейские якуты делились на роды, они были причислены им к тунгусам. Однако есейских якутов П. Е. Терлецкий принял за исключение и взял в кавычки само слово «ошибка» Патканова, очевидно полагая, что наличие или отсутствия родового деления может явиться основанием для установления национальной принадлежности той или иной группы.

Излишне разбирать это несостоятельное методологическое положение, однако именно на нем основан вывод П. Е. Терлецкого о том, что «в общественном отношении обе группы — тунгусы с родовым строем и якуты, представляющие собой объединенные в наследи отдельные семьи, утерявшие связь со своим родом, — представляются совершенно различными, нашедшими свое оформление в разделении по национальному признаку»³⁸. Отбрасывая утверждение о наличии родового строя у тунгусов, давно опровергнутое советской наукой, нельзя согласиться и с положением о том, что якуты, о которых идет речь в статье П. Е. Терлецкого, за исключением затундренских, ко времени проведения переписи утратили родовое деление. Как известно, Хатыгынский наслег делился на роды Осогостох, Маймага, Ботулу и Оспек. Самый многочисленный род был Осогостох, поэтому и Хатыгынский наслег нередко именовался Осогостохским. Наоборот, чисто эвенкийский по мнению П. Е. Терлецкого, наслег Бети на роды не делился.

³⁷ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 97. Разрядка автора.

³⁸ Там же.

Не усиливает позиции П. Е. Терлецкого попытка причислить северных якутов к торговым элементам и тем самым отделить их от остального населения. Исторические документы XVII—XVIII вв. показывают, что северные окраины Якутии осваивались не торговыми якутскими элементами, а неимущими слоями якутского населения, беглецами, спасавшимися на севере от тойонского гнета и ясачных поборов³⁹. Источники не дают никаких данных для причисления всех северных якутов к торговым элементам. Что касается якутов — скупщиков пушнины, особенно активизировавшихся на севере Якутии в XIX в., то отождествлять их с северными якутами-оленеводами не приходится. Агенты торговых домов, скупщики пушнины, только наездами с торговыми целями посещали Север. Большинство же хозяйств северных якутов было занято не торговлей, а охотой и оленеводством и находилось в неоплатном долгу у этих купцов.

Обратимся к цифрам, приведенным П. Е. Терleckим, доказывающим, по его мнению, существование двух этнических групп в бассейне Оленека и Анабара. Материалом для статистической характеристики населения интересующих нас районов послужили П. Е. Терleckому те же переписные карточки и списки, выкопированные Б. О. Долгих, которыми приходилось пользоваться и нам. Эти данные касаются 259 оленекских и анабарских хозяйств. Карточки П. Е. Терleckий распределил на две группы: эвенки — 128 хозяйств (в действительности Бетинский, Чордунский, 2-й Угулятский и Шологонский роды) и якуты — 131 хозяйство (Осогостохский и Хатыгынский роды и затундренские якуты). Как мы видели, такое деление не оправдано фактическим материалом. Не приходится удивляться, что в результате сравнения экономических показателей обеих групп у П. Е. Терleckого получились цифры, столь же нехарактерные, как произвольно и само деление. Показав, что в группе «якутов» (Осогостохский, Хатыгынский роды, затундренские якуты) было сосредоточено основное поголовье оленей (80%), а в группе «эвенков» (Бетинский, Чордунский роды и др.) численность оленей была значительно ниже⁴⁰, П. Е. Терleckий счел это за подтверждение наличия «двух совершенно различных групп». В действительности цифры, приведенные П. Е. Терleckим, свидетельствуют лишь о том, что основное поголовье было сосредоточено в группе тундровых и лесотундровых наслегов.

На огромной территории Оленекского и Анабарского районов существовало несколько типов оленеводческих хозяйств, соответствовавших определенным естественным зонам. В низовьях рек Анабара и Оленека в открытой тундре обитали оленеводы с низкорослой породой оленей. Помимо оленеводства, в низовьях значительную роль в хозяйстве населения играли поковки диких оленей, гусевание, рыболовство. Оленеводы с таежно-тундровой породой оленей располагались зимой в лесотундровой зоне, весной откочевывали на голыцы, летом переходили в открытую тундру. Оленеводство здесь также сочеталось с охотой на диких оленей и рыболовством, но роль рыболовства была значительно ниже, чем в первой группе.

В таежной зоне, непосредственно примыкавшей к лесотундре, ведущей отраслью хозяйства была охота на крупнокопытных — диких оленей

³⁹ «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Л., 1936, стр. 121, 193—195, 216.

⁴⁰ Наши данные о поголовье оленей у упомянутых 259 оленекских и анабарских хозяйств расходятся с данными П. Е. Терleckого. Во всей группе, по имеющимся у нас материалам, было 10 545 оленей. В среднем на одно хозяйство приходилось в Хатыгынском наслеге (Хатыгынский и Осогостохский роды) 46,4, в Чордунском — 57,1, в Бетинском — 26,6, в Шологонском — 13,7, в Угулятском — 20,3 и у затундренских якутов — 63 оленя.

и лосей. Оленеводство (олени таежной породы) служило базой для этого промысла. Для укрытия своих оленей от комаров и мошки они откочевывали на гольцы только на летние месяцы.

Наконец, охотники-оленеводы таежной зоны (верховья Тунга, Мархи, Маркоки), также имевшие оленей лесной породы, но в незначительном количестве, летом кочевали вверх и вниз по течению этих рек. Содержание крупных оленьих стад, свыше ста голов, в этой зоне летом считалось крайне обременительным.

Таким образом, в бассейнах рек Оленека и Анабара выделяется несколько типов промысловых хозяйств, различающихся по удельному весу в них охоты, оленеводства и рыболовства. Преобладание оленей в группе тундровых и лесотундровых хозяйств, отмеченное П. Е. Терлецким, вполне естественно, так как ведущей отраслью хозяйства у них было оленеводство. Однако П. Е. Терлецкий сделал из этого совершенно иной вывод: «Эвенкийское оленеводство по своему составу — транспортное..., оно не дает возможности воспроизводства стада (?!), и тунгусы вынуждены постоянно обращаться за пополнением своего транспортного поголовья к якутам-оленеводам»⁴¹.

Если расшифровать это положение, то получается, что в бассейнах рек Оленека и Анабара существовали две группы, из которых одна зависела и, следовательно, эксплуатировалась другой, т. е. члены Бетинского, Чордунского, Шологонского и 2-го Угулятского наслег — «эвенки», по П. Е. Терлецкому, зависели, эксплуатировались «якутами» — Осогостохским и Хатыгинским родами, а также затундренскими.

В действительности картина классовых взаимоотношений в бассейнах рек Оленека и Анабара была совершенно иная. Не «тунгусы» (таежные наслег) зависели от «якутов» (тундровых и лесотундровых наслегов), а все население зависело от кулацких хозяйств, эксплуатировавших и своих сородичей, и чужеродцев. Такие мироеды были как среди тех, кого П. Е. Терлецкий отнес к якутам, так и среди тех, кого он отнес к эвенкам.

Поголовье оленей проставлялось переписчиками со слов спрашиваемых, пересчет оленей не производился, в связи с чем кулацкие элементы значительно преуменьшали численность своих стад. Но все же материалы переписи позволяют выделить кулацкие хозяйства.

В Осогостохском роде выделялось хозяйство Х. С. Васильева, имевшего 419 оленей⁴². В примечаниях в его переписной карточке отмечалось, что на его иждивении находятся члены Осогостохского рода Христофор Николаев («Серсе») с семьей в 9 человек, Николай Титов с семьей в 4 человека, Христина Самысар с сыном, Акулина с сыном и вдова Анна Васильева. Разумеется, эти «иждивенцы» и были работниками, обслуживавшими хозяйство Васильева. Член того же рода Х. С. Солтос имел 255 оленей. В примечании к его карточке указано, что на его иждивении находились из Осогостохского рода Евдоким Васильев с семьей в 5 человек и Константин Егоров с семьей в 7 человек⁴³. И. Д. Степанов имел 369 оленей⁴⁴. Его хозяйство обслуживали Семен Христофоров с семьей, имевший 3 собственных оленя⁴⁵, Петр Христофоров с семьей, имевший 12 собственных оленей⁴⁶ (примечания об этом имеются в их карточках). В хозяйстве Ефрема Степанова (Чомо)⁴⁷ было 245 оленей. Обслуживалось это хозяйство двумя семьями общей численностью в 12 человек.

⁴¹ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 94.

⁴² ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, л. 305—306.

⁴³ Там же, л. 259—260.

⁴⁴ Там же, л. 275—276.

⁴⁵ Там же, л. 289—290.

⁴⁶ Там же, л. 287—288.

⁴⁷ Там же, л. 309—310.

В Чордунском роде такими эксплуататорами являлись И. П. Филиппова по прозвищу Кюпэй, имевшая, по данным переписи, 690 оленей⁴⁸, ее хозяйство обслуживало 4 семьи; Христофорова Прасковья, имевшая 316 оленей⁴⁹, ее хозяйство обслуживала одна семья численностью в пять человек; Е. В. Кокуй⁵⁰, имевший 284 оленя, и другие. Вокруг них группировались бедняки, как сородичи, так и чужеродцы, работавшие в качестве пастухов.

Таким образом, фактический материал говорит не о зависимости «эвенков» от «якутов» и не о зависимости наслег от наслег, а о зависимости малооленных и безоленных хозяйств от крупных кулацких. Следует при этом отметить, что хозяйственные объединения, создававшиеся при откочевке в тундру, состояли как из сородичей, так и из чужеродцев.

При механическом распределении похозяйственных карточек у П. Е. Терлецкого появился еще один вывод, свидетельствующий (будто бы) о различиях в хозяйстве «якутов» и «эвенков». По данным переписи, пишет он, якуты являются охотниками на песца, а эвенки (тунгусы) — охотниками на белку⁵¹. Действительно, в районе зимовок большинства членов Осогостохского и Хатыгынского родов водились песцы, а в районе таежных наслегов песцы встречались редко и основным объектом пушной охоты была белка. Тем не менее применение терминов «охотники на песца» и «охотники на белку» по отношению к населению бассейнов рек Оленека и Анабара не оправдано. Пушная охота в обозреваемых районах до коллективизации была лишь подсобной отраслью производства. Пушнину добывали для приобретения у купцов табака, чая и охотничьих припасов. В самом деле, «охотники на белку» добывали, по данным П. Е. Терлецкого, в среднем в год 30 белок на семью⁵². Существовать на это они, разумеется, не могли. Трудно себе представить и существование «охотников на песца».

Об этом свидетельствует таблица 3, составленная на основании похозяйственных карточек кочевого населения б. Вилуйского округа и характеризующая среднее количество добывавшихся песцов и белок по родам на одну семью⁵³.

Действительной основой существования в бассейнах рек Оленека и Анабара была охота на крупнокопытных, о чем почему-то не счел нужным сказать П. Е. Терлецкий. Охотой на диких оленей занималось большинство хозяйств в обозреваемом нами районе. В среднем на хозяйство добывали⁵⁴: Осогостохский род — 4,1 дикого оленя, Хатыгынский — 6,7, Чордунский — 5,9 + 3 лося, Бетинский — 7,6, Угулятский — 2,1 и 0,2 лося⁵⁵. Таким образом, фактический материал показывает, что различия указанные П. Е. Терleckим в хозяйстве выделенных им групп, являются второстепенными, связанными с проживанием в различных природных зонах. Более существенны общие черты, характерные для хозяйства населения бассейнов Оленека и Анабара. Оленеводство оленекских и анабарских якутов отличалось рядом особенностей:

⁴⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 70 р, оп. 32, д. 318, л. 49—50.

⁴⁹ Там же, л. 237—238.

⁵⁰ Там же, л. 57—58.

⁵¹ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 94—95.

⁵² Там же, стр. 95.

⁵³ Там же, л. 16, 26, 34, 72.

⁵⁴ Там же, д. 318.

⁵⁵ По данным разработки материалов переписи Шологонского рода, на одно кочевое хозяйство шологонцев в год добывалось 9,6 дикого оленя, 1,2 лося («Социалистическая Якутия», 1930, № 3). Данных о добыче диких оленей затундренскими якутами разыскать не удалось; по свидетельству Соловьева, в якутском наслеге Хатангско-Анабарского района затундренские якуты добывали в год на хозяйство по 2 оленя (Соловьев, Оленеводство Хатангско-Анабарского района, «Сборники по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике», М., 1932, стр. 177).

Таблица 3

Род или наслег	Добыто белок	Добыто песцов
Осогостох	2,1	2
Хатыгын	17,1	1,6
Чорду	2,6	3,7
Бети	5,8	4
Угулят	11,9	0,7
Шологон (кочевой)	29,3	—
Шологон (оседлый)	61,3	—

Примечание. Данные о шологонах взяты по материалам разработки переписи («Социалистическая Якутия», 1930, № 3, стр. 106). Данных о количестве добываемой пушнины затундренскими якутами, кочевавшими в пределах рек Оленека и Анабара, обнаружить не удалось.

отсутствием в хозяйстве оленегонных собак, разработанностью выючных способов передвижения, дойкой оленей и т. д. Охота на крупнокопытных преобладала над пушным промыслом и была для большинства хозяйств основой существования. За счет убоя домашних оленей существовали лишь крупные оленеводческие хозяйства. Техника оленеводства (использование оленя на транспорте, различные операции в оленеводстве) так же, как и приемы охоты на диких оленей, на всей рассматриваемой территории отличались единством.

Таким образом, следует отметить, что все доказательства, приведенные П. Е. Терлецким в пользу наличия «двух совершенно различных групп» в бассейнах рек Оленека и Анабара, при близком ознакомлении с ними оказываются несостоятельными.

В заключение позволим себе затронуть вопрос о том, в какой степени возможно использовать материалы переписей для определения этнического состава населения Крайнего Севера.

Материалы переписи, как показывает практика, обычно дают реальную картину численности и расселения крупных народов, исчисляющихся сотнями тысяч человек. Отдельные неправильные показания о своей национальной принадлежности составляют в этих условиях незначительную долю процента и выправляются в общем итоге.

Совершенно иного подхода требуют материалы переписи отдельных этнических групп и народов Крайнего Севера, насчитывающих в своем составе несколько сот или несколько тысяч человек. Ошибочные показания о своей национальной принадлежности даже нескольких семей приводят к искажениям общего итога переписи таких групп в связи с их малочисленностью.

Касаясь данных похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926—1927 гг., нужно отметить, что в ее результаты вкралось немало ошибок. Наличие в бланках очень большого количества граф, касающихся административной и этнической принадлежности, — округ, административная единица, управа, национальность племени, род, — крайне затрудняло как население, так и переписчиков. Многие не имели четкого представления о своей общности с населением соседних районов и не были подготовлены к ответам на такие вопросы, как национальность, племя. Продемонстрируем это на конкретных примерах. В Хатангско-Анабарском районе в сел. Попигай долганы следующим образом отвечали на вопросы переписных бланков: Туприн Петр Пар-

фенович, национальность — якут, родной язык — якутский⁵⁶, род Саха; Туприн Степан Парфенович, национальность — якут, родной язык — якутский, род — Дулган⁵⁷, Большаков Мирон Трифонович, национальность — якут, родной язык — якутский, род Дулган⁵⁸. Лишь несколько человек показало своей национальностью долган. В Булунском округе на Лене (сел. Эбитэм) встречаются, например, такие карточки: Барбантский И. З., национальность — тунгус, племя — юкагир, родной язык — русский⁵⁹. В Колымском округе в бланках большинства якутов в графе «Племя» было проставлено «монгольское», русскими в графе «Род» была проставлена их фамилия⁶⁰.

Все это не курьезы. Выше нам приходилось уже отмечать, что члены затундренского русского крестьянского общества показывали себя не русскими, а «крестьянами», что все кочевые якуты северо-запада б. Вилюйского округа по переписным данным попали в тунгусы (эвенки). Просмотр материалов переписи 1926—1927 гг. по Булунскому округу показал, что в них встречаются значительные ошибки. По данным Х ревизии (1858), в Жиганском улусе Булунского округа было два тунгусских рода — Кюпский и Эжанский и восемь якутских — I и II Батулинский, I, II, III и IV Хатыгынские, Кангаласский и Туматский. Однако в конце XIX в., когда различия между тунгусскими родами и якутскими стали стираться в связи с тем, что члены тунгусских родов восприняли язык якутов, то и первых и вторых, в отличие от якутов-скотоводов, нередко стали именовать тунгусами. Поэтому во время переписи 1926—1927 гг. в ряде мест Булунского округа батулинцы, хатыгынцы, кангаласцы были отнесены к тунгусам, в то же время в некоторых местах кюпцы и эжанцы оказались в числе якутов. Так, в IV томе переписных бланков члены Кангаласского, I Батулинского, III и IV Хатыгынского родов на первых 58 бланках показаны как тунгусы⁶¹, а в последующих карточках члены этих родов, так же как члены Кюпского и Эжанского родов⁶², стали именоваться якутами. Во II томе переписных бланков по Булунскому округу члены Кюпского, Туматского, Чордунского и Эжанского родов в первых 44 бланках⁶³ отнесены к якутам, а на бланках от 44 до 78 члены этих же родов обозначены как тунгусы с якутским языком.

Все эти факты говорят о том, что для определения этнического состава населения Крайнего Севера материалы переписи могут быть привлечены только после тщательного критического анализа по каждому микрорайону и сопоставления их с объективными показателями, наблюдениями этнографов.

⁵⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 454, л. 215—216.

⁵⁷ Там же, л. 183—184.

⁵⁸ Там же, д. 455, л. 307—308.

⁵⁹ Там же, л. 5.

⁶⁰ Там же, д. 462, лл. 157—261.

⁶¹ Там же, д. 455.

⁶² Там же, д. 455, л. 149, 157, 161, 165.

⁶³ Там же, д. 456.